

Люблю я пѣсни, въ нихъ такъ живо
Являются душѣ младенческіе дни;
О прошломъ говорятъ краснорѣчиво
И слезы на глаза влекутъ они;
Какъ будто въ нихъ мы можемъ слезы воз-
вратить,

Которыя должны мы были проглотить;
Пусть слезы тѣ въ груди окаменѣли,
Но ихъ одинъ разводитъ звукъ,
Напомнимъ дни, когда мы пѣли
Безъ горькой памяти, безъ ожиданья мукъ.
3-й испанецъ: Ха! ха! ха! ха! разнѣжился
опять...

Опять понесъ ты вздоръ давнишній;
Опять воспоминанья, чортъ бы съ ними...

5-й испанецъ: Баба!

4-й испанецъ (показываетъ на пѣвца): Тсъ,
тсъ.

1-й испанецъ: Онъ начинается! Слу-
шать!...

Б А Л Л А Д А.

Гвадыяна бѣжитъ по цвѣтущимъ полямъ,
Въ ней блещутъ вершины церквей;
Но въ прежніе годы невѣрные тамъ
Купали своихъ лошадей.

На томъ берегу, поклонусь, что не лгу,
Хранимый рукой христіанъ,
Съ чашмой и крестомъ надъ чугуныиъ
Стоитъ прѣвысокій курганъ. [столбомъ]

Недалеко отсюда обитель была—

Монахи веселой толпой,

Когда наступила вечерняя мгла,

За пиръ сѣдѣли ночью.

Вотъ чаши гремятъ... и поютъ, и кри-

И дверь открывается вдругъ: [чатъ...]

Взошелъ сарацинъ, безоруженъ, одинъ,

И смутился пирующій кругъ.

Невѣрный, склоняясь челомъ, говорить:

«Я желаю проститься съ чашмой,

Крестите меня, какъ законъ вашъ велитъ.

Клянусь восточной луной:

Не ложь, не обманъ изъ далекихъ странъ

Привели меня къ вашимъ стѣнамъ;

Я узналъ вашъ законъ, мнѣ понравился онъ:

Я жизнь свою Богу отдамъ».

Но монахи его окружили толпой,

И въ сердце вонзили кинжалъ,

И съ золотомъ сняли алмазъ дорогой,

Который на шеѣ сіялъ.

И ругались надъ нимъ, со смѣхомъ пус-

Пока день не взошелъ молодой. [тымъ,

И кровавый трупъ на прибрежный ус-

Былъ брошенъ злодѣйской рукой. [трупъ]

Не прошло трехъ ночей, какъ высокій кур-

Воздвигся съ крестомъ и чашмой, [ганъ]

И подъ нимъ тотъ пришлецъ изъ восточ-

Зарытъ—но не силою земной. [ныхъ странъ]

И съ тѣхъ поръ каждый годъ, только мѣ-

сяцъ взойдетъ,

Въ обитель приходитъ мертвецъ;

И монахамъ кричить (такъ молва говорить),
Чтобъ крестили его наконецъ...

* *

(Многие хлопаютъ въ ладоши).

1-й испанецъ: Прекрасно! очень хорошо.

Всѣ испанцы: Благодаримъ.

Не хочешь ли вина, искусный трубадуръ.

(Ему подносятъ, и онъ пьетъ).

Пѣвецъ: За здравье папы... а потомъ за ваше!

3-й испанецъ: Товарищи, пойдемте, же ге-

нискать свою любезную добычу, [перъ]

Пойдемте, съ помощью святаго Доминика.

Намъ Богъ проститъ... вѣдь надо людямъ

жить...

(Уходятъ всѣ съ громкимъ хохотомъ).

СЦЕНА II.

Комната у жида. Богатые ковры вездѣ и
сундуки. Тутъ стоитъ на столбикѣ лампа
горящая. Въ глубинѣ сцены двѣ жидовки
нижуютъ жемчугъ.—Все богато. **Нозми** вхо-

дитъ и садится у стола облокотившись.

Нозми: Итъ, не могу работой заниматься,

Шитье въ глазахъ сливается, и пальцы

Дрожать, какъ будто бы иглою тяготитъ

Молиться я хотѣла—тоже все! [ихъ:

Начну лишь... а слова мѣшаются;

То холодъ пробѣжитъ по тѣлу вдругъ,

То жаръ въ лицо ударится порой,

И сердцу такъ неловко, такъ неловко...

И занимаетъ все воображеніе

Прекрасный образъ незнакомаго,

Который моего отца избавилъ

Отъ гибели вчера. Дай Богъ ему все счастье,

Отнятое у насъ несправедливо...

Какъ будто бы еврей ужъ не люди!

Нашъ родъ древній испанскаго—и ихъ

Пророкъ рожденъ въ Ерусалимъ.

Смѣшно! они хотятъ, чтобъ мы

Ихъ приняли законъ—но для чего?

Чтобъ въ гибель повергать другъ друга,

Они такъ превозносятъ кротость, [какъ они?]

Любовь къ себѣ подобнымъ, милость,

И говорятъ, что въ этомъ ихъ законъ;

Но этого пока мы не видали. (Молчаніе).

Однако жъ есть и между ними люди!

Вотъ, напримѣръ, вчерашній незнакомецъ...

Кто бы ожидалъ? Какъ жалко, что его

Я не увижу... но отецъ мой

Его такъ живо описать, такъ живо...

Высокій станъ и благородный видъ,

И кудри черныя, какъ смоль, и быстрый

И голосъ... но зачѣмъ о немъ я мыслю? [взоръ,

Что пользы?... Ахъ, какой же я ребенокъ!

(Молчаніе).

Мнѣ скучно—вся душа разстроена,

И для меня суббота поневолѣ

Сегодня... Сердце бьется, бьется

Какъ птичка, пойманная въ сѣтѣ.

Зачѣмъ нейдетъ отецъ мой? Онъ опять

Злодѣямъ въ руки попадется...